

Год 2008-й был объявлен в России Годом семьи. Что делало государство для укрепления и восстановления этого самого первого и очень важного института общества? Ведь невероятное количество факторов много лет работало на его разрушение. Есть ли смысл перечислять их — они и без того общеизвестны.

Мне «посчастливилось» однажды побывать на заседании комиссии по делам несовершеннолетних. Это же карательный орган. Указали, наказали, оштрафовали... Завалились бумагами — отчётами друг перед другом. Неудивительно, что газеты ничего не пишут о работе комиссий, о результатах. Да и сами матери по понятным причинам молчат об оказанной их семьям помощи. Спецслужбы, не сомневаясь в правильности своих решений, предлагают матерям: «Давайте мы лучше устроим ваших детей в приют».

Уговаривают подписать отказ от ребёнка, с чувством «исполненного долга» лишить конкретную мамашу материнства. Задумались бы хоть над тем, сколько стоит содержание ребёнка в детском доме, да наполовину этого прибавили бы, например, пособие по утере кормильца...

Это не голые слова, просто не стоит называть фамилий, социальные работники всё это знают. Вина, недоработка или беда их в этом, тоже известно только им. Я знаю матерей, лишённых их материнских прав, которым грозили судом при приближении к детскому дому, где воспитывались их дети. А что дальше? Куда идти ребятишкам, когда они вырастут? Рвётся связующая нить. Ведь детям не скажут правду: мол, приходила твоя мама, но мы её не пустили.

Я воспитывалась в детском доме в Канске (отец погиб на фронте, а мама умерла, простудившись на заготовке

дров для больницы, где работала акушеркой, — мужики-то были на фронте) и, конечно, благодарна обществу, которое помогало нам — сиротам военного времени. Но не так давно меня очень больно задела слова заведующей даже не детским домом, а садом, сказанные после смерти директора предприятия пищевой промышленности: «Как жалко, такой был человек...»

Естественно, хороший был человек. Но вот что она сказала дальше: «Никому ничего не говорил, а ведь таскали живым и мёртвым». — «Как это?» — задала я вопрос. «Но ведь все же берём, где работаем», — услышала я в ответ. «Как это? Я однажды работала завхозом в детском саду. Что же получается: захочу кусочек мяса — и заберу? А что скажет повар, если я ему, а значит, и детям, это мясо недодам? А медсестра? Вдруг поймает заведующая?»

Выходит, желание своровать у ближнего своего, даже у ребёнка, сидит в крови у современного человека? Та заведующая даже не подумала скрыть свои поступки. Вместо этого она стала допытываться, когда я работала в этой должности. До сих пор режет моё сознание это безапелляционное, бессовестное, с моей точки зрения, утверждение...

Больно.

Я никогда не хотела открыто обращаться к этой теме, но сегодня меня попросили... написать слова гимна детского приюта. Какого гимна? Разве можно слагать или петь такие гимны? Но слова откровения детдомовца у меня родились. Не надо сравнивать их с какой-либо поэзией, они выше её.

Путь лишний раз дрогнет сердце несчастной матери или чиновника, ответственного за благополучие семьи.

Я живу в детском доме — приюте,
Проявляет заботу страна,
Окружают вниманием люди,
Но ночами приходит Она...

В светлых комнатах, сытый, одетый,
Я почти благодарен судьбе...
Но, любимая мамочка, где ты?
Я-то знаю, как плохо тебе.

Мне во всём воспитатель поможет,
Я живу без забот и хлопот,
Но тоска моё сердце тревожит:
Как и где моя мама живёт?

Я в достатке живу, как ни странно.
Есть одна голубая мечта:
Помогите встать на ноги маме —
И она осчастливит меня.

Меня мама под сердцем носила,
И, конечно, мы с нею родня.
Обращаюсь к единой России:
Всё ли сделала ты для меня?

Ты её материнства лишила —
Разве ты поменяла нам кровь?
Хоть бы видеться нам разрешила,
Чтоб сердца согрела любовь.

Газета «Красноярский рабочий» от 10 апреля 2008

Р. С. Столько времени прошло с 2008 года... А сегодня разве не так?